

К ТЕМ, КТО БОРЕТСЯ

ПОСЛЕДНИЕ
ПРЕМЬЕРЫ СЕЗОНА

Тот же путь — поисков своего и для себя драгоценного в произведении Хемингуэя.

ГОД назад в далеком американском селении Сан Вэлли трагически погиб Эрнест Хемингуэй. На днях газета «Известия» напечатала ранее не публиковавшееся письмо Хемингуэя Константину Симонову. В этом письме — отношение писателя к войне, к борьбе человечества против фашизма. Участие писателя в этой борьбе началось еще в Испании.

«После Испанской войны, — рассказывает Хемингуэй, — я должен был писать немедленно, потому что я знал, что следующая война надвигается быстро, и чувствовал, что времени остается мало». И среди того, что создал он, — пьеса «Пятая колонна».

Он писал осенью 1937 года в осажденном Мадриде, в отеле «Флорида», насквозь продырявленном артиллерийскими снарядами. Уезжая на фронт, он прятал пьесу в скатанный матрац. И радовался, когда, вернувшись, находил комнату и пьесу в сохранности. В той же самой «Флориде» он поселил и своих героев — Филиппа Ролингса и Дороти Бриджес. Палили орудия, установленные у Легонес и по склонам горы Гарабитас. Шли бои в университетском городке. А в мадридском отеле разыгрывалась трагедия любви.

С тех пор прошло двадцать пять лет. Я не знаю, есть ли сейчас в Мадриде отель «Флорида». И, конечно, многие из тех, кто жил и боролся тогда, уже мертвы. Но в сегодняшней Испании люди не перестают любить и не перестают бороться. Страницы гражданской войны (лишь одну из них перевернул Хемингуэй) переключаются со страницами нынешней борьбы испанского народа против фашизма. Снова звучат гордые имена испанских городов. Забастовки горняков в Астурии... Волнения в Каталонии... Гул народного гнева в стране басков...

«Пятая колонна» — пьеса о любви. Вместе с тем она остро публицистична. Ее название взято из заявления фашистов о том, что, кроме четырех колонн, наступающих на Мадрид, они располагают и пятой — находящимися в городе тайными агентами. Хемингуэй написал о работе контрразведки, о людях, у которых нет времени для личной жизни. Потому что «вперед пятьдесят лет необъявленных войн, и ждали

О. ПРУДКОВ

договор на весь срок», — как говорит герой пьесы Филипп.

Эта фраза могла бы стать эпиграфом к спектаклю театра «Современник», который нашел ключ к произведению сложности чрезвычайной. При сценическом решении (режиссер Г. Лордкипанидзе) пьеса обрела своеобразное обрамление. До начала спектакля и после его завершения на экране появляется портрет автора. В темноте зрительного зала звучит его голос. Но не только этот прием наталкивает зрителя на прямое сопоставление событий пьесы с сегодняшним днем. Весь строй произведения, его пафос обращены к тем, кто боролся тогда. И к тем, кто борется сейчас.

Это сегодняшнее понимание «Пятой колонны», близость общего звучания, мысли, страсти спектакля тому, что было написано Хемингуэем четверть века назад, — главное, лучшее в работе театра. И вся она видится, читается именно с этой позиции.

Признаюсь, учитывая творческую индивидуальность О. Ефремова, я с трудом представлял его в роли Филиппа. Прежде всего у каждого из нас уже давно сложился образ «хемингуэевского» героя, временами жестокого, временами нежного, всегда мужественного и честного. А как сложны эти характеры! Далеки друг от друга контрбандист Гарри Морган из романа «Иметь и не иметь», рыбак Сантьяго из «Старика и моря» или Филипп Ролингс. Однако их всех объединяет отношение к любви, к подвигу, к смерти. И в то же время у Филиппа есть нечто свое — его борьба против фашизма, его пятьдесят лет необъявленных войн. В этом его главное. И вот Филипп — Ефремов впервые появляется на сцене — ироничный, волевой и в то же время смертельно усталый. Вот он на следующее утро — собранный, бесстрашный. Вот он в сценах с Дороти — любящий, но внутренне напряженный, ничего не забывающий. Что ж, это, несомненно, Филипп Ролингс. Однако вдруг то «хемингуэевское», что было так драгоценно в образе, тот сложный сплав чувств, настроений, составлявший главную его прелесть, утрачи-

вается. Внутреннее напряжение постепенно переходит в истерику, в ных эпизодах актер становится совсем не по-хемингуэевски «плоским». Это последнее, мне кажется, во многом связано с тем, какую Дороти мы увидели на сцене.

Отношение Филиппа к Дороти сложно. Это любовь и женские и тоска по всему, что людям, работающим, подобно Филиппу, приходится забыть. «В пьесе есть девушка, зовут ее Дороти, но ее можно было бы назвать и Ностальгией». Так писал Хемингуэй. К сожалению, актриса Т. Лаврова не сумела сделать свою Дороти Ностальгией, мечтой, совестью и силой Филиппа. Ее Дороти красива, очень красива. Но она и очень уж глупа, а в чем-то даже пошловата. Разговоры, мечты влюбленных, наполненные у автора безнадёжной тоской, лишаются внутреннего смысла. Исчезает очарование любви, тускнеет трагедия, о которой написал Хемингуэй. Стал назваться мельче и сам Филипп, и его борьба с самим собой.

Герои Хемингуэя не просты, их внутренний мир противоречив. И принципиально правильное публицистическое решение пьесы не снимает необходимости глубокого вскрытия характера со всеми его конфликтами, необходимости создания полнокровного сценического образа. Таков в своих лучших сценах О. Ефремов. Таким предстает артист И. Кваша, поразительно точно сыгравший Макса.

Стойкий, самоотверженный боец, профессиональный разведчик, человек, побывавший во франкискостом застенке и там навсегда внешне изуродованный... Ожидаясь увидеть на сцене человека сурового, замкнутого, ожесточенного. Таким он представляется и при чтении пьесы. Все это есть в исполнении И. Кваши. Но в то же время он нашел удивительно тонкую душевную интонацию, обогатил и углубил наше представление об образе. «...Поминай — нужно быть добрым. Для нас, которым причинили столько зла, доброту — самое важное», — говорит Макс — Кваша, и лицо его, обезображенное истязаниями, красиво мудростью и спокойной целеустремленностью. Если он жив сегодня, этот Макс, он вот так же уверенно и просто делает свое не легкое дело.

гуз, поисков сегодняшнего — привел к удаче и других исполнителей. Прелестна марокканка Анита у И. Дорошиной, уже испытывавшая многие прелести западной цивилизации, но не потерявшая человеческого достоинства, хорошо понимающая великое значение слова «товарищ». У Е. Евстигнеева — управляющего отелем — запоминается все: и костюм, и вкрадчивые манеры, и закругленные, плавные жесты, и мягкая походка. Запоминаются и его юмор, и его несчастья, его готовность помочь Филиппу. Удивительно достоверен О. Табаков — Уилкинсон.

И также — не общее ли это правило, увы, еще часто забываемое — едва уходят актеры от первоисточника, от литературной основы спектакля, едва утрачивают ощущение манеры, стиля писателя, их ждет неудача. Малопроизводительным, каким-то каменным-холодным получился Антонио у В. Заманского. И уж очень знакомым выглядит М. Козаков в роли Престона. В последнее время молодой актер много выступает в спектаклях и кинофильмах. Это хорошо. Плохо то, что он часто повторяет себя, повторяет однажды найденное.

Также вне пьесы оказалось и оформление спектакля. Художник Д. Тайашивили не помогает актерам, его декорации маловыразительные, а решение сценического пространства примитивное, лишенное всякой выдумки.

...Последние минуты спектакля. Приходит Филипп после разрыва с Дороти — все ради дела. Пятая колонна лишила его последней личной радости. Ползет занавес. И снова во всю высоту сцены — лицо Хемингуэя. И снова голос:

«Как земля никогда не умрет, так и тот, кто был однажды свободен, никогда не вернется к рабству... Фашисты могут пройти по стране, пролаывая себе дорогу лавиной металла, взвешенного из других стран. Они могут продвигаться с помощью изменников и трусов. Они могут разрушать города и селения, пытаться держать народ в рабстве. Но ни один народ нельзя удержать в рабстве. Испанский народ встанет против них, как он всегда вставал против тиранов».

Финал, предвещающий грядущую битву и градоугодную победу. А битва эта уже сегодня идет на испанской земле.